

Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких

Japanese motives in the works of the brothers Strugatsky

Михаил Валерьевич Савеличев | Mikhail V. Savelichev

кандидат экономических наук

Аннотация. Статья посвящена биографии и творчеству знаменитого советского писателя Аркадия Стругацкого. Профессиональные интересы Аркадия Стругацкого были тесно связаны с переводами с японского, а многие японские мотивы пронизывают фантастические произведения братьев Стругацких. Аркадий Стругацкий переводил классиков японской литературы Акутагаву, Кобо Абэ, а шедевром его переводческой деятельности стал средневековый роман «Сказание о Ёсицунэ».

Фантастические произведения братьев Стругацких насыщены отсылками и аллюзиями на японскую литературу, японскую историю. Классические и современные японские стихотворения во многом формируют уровень восприятия таких интеллектуально сложных повестей и романов, как «Улитка на склоне», «За миллиард лет до конца света» и «Хромая судьба».

Ключевые слова. Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий, научная фантастика, переводы, японская литература, Акутагава, Кобо Абэ, Сказание о Ёсицунэ.

Abstract. The article is devoted to the biography and work of the famous Soviet SF-author Arkady Strugatsky. The professional interests of Arkady Strugatsky were closely connected with translations from Japanese, and many Japanese motifs permeate the fantastic works of the Strugatsky brothers. Arkady Strugatsky translated the classics of Japanese literature Akutagawa, Kobo Abe, and the medieval novel «The Tale of Yoshitsune» became a masterpiece of his translation work.

The SF-works of the brothers Strugatsky are full of references and allusions to Japanese literature and Japanese history. Classical and modern Japanese poems largely shape the level of perception of such intellectually complex stories and novels as «Snail on the Slope», «One Billion Years to the End of the World» and «Lame Fate».

Keywords: Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky, science fiction, translations, Japanese literature, Akutagawa, Kobo Abe, The Tale of Yoshitsune.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

Аркадий и Борис Стругацкие — знаменитые советские писатели-фантасты, чьи книги до сих пор пользуются огромной популярностью, а их творчество во многом сформировало то, что мы сейчас именуем отечественной фантастикой. Не будет большим преувеличением сказать, что Стругацкие сделали для русской фантастики то же, что и Пушкин для русской литературы. И если русская литература говорит языком «нашего всего», то российская фантастика до сих пор исследует и развивает идеи, темы, жанры, направления и миры, созданные в рассказах, повестях и романах братьев Стругацких. Все мы вышли из мира Полудня, как некогда вышли из гоголевской «Шинели».

Особый интерес представляет то, что Аркадий Натанович Стругацкий являлся профессиональным переводчиком с японского и внёс существенный вклад в популяризацию японской литературы в тогдашнем СССР, а кроме того, японские мотивы не только пронизывают многие произведения братьев Стругацких, но и дают ключ к пониманию идей, которые в них заложены.

Поэтому свой очерк мне хотелось бы разбить на три части. Во-первых, кратко рассказать о том, каким образом в Аркадии Натановиче, говоря словами одного из героев «Жука в муравейнике», «проклевывался» японист, для чего придется изложить некоторые подробности его биографии. Во-вторых, остановиться на переводческой деятельности нашего героя, который открыл советскому читателю возможность читать таких прекрасных японских авторов, как Кобо Абэ, Акутагава, Нацумэ Сосэки и других, а главное — подарил всем нам подлинный шедевр переводческого искус-

ства: самурайский роман «Сказани о Ёсицунэ». И, в-третьих, затронуть такую тему, как отражение Японии, ее культуры, языка и духа в произведениях братьев Стругацких.

1. Биография

Аркадий Натанович Стругацкий родился в 1927 году и вовсе не собирался от молодых ногтей становиться японистом и переводчиком с японского языка. Не случись войны и последующих перипетий его жизни, он бы скорее всего стал астрономом, ибо, будучи школьником с наслаждением читал книжки о космосе и космических приключениях, в том числе романы Жюль Верна и Герберта Уэллса, посещал кружок юных астрономов во дворце науки в Ленинграде, с энтузиазмом изучал сферическую геометрию и небесную механику, строил телескопы и наблюдал за светимостью двойных звезд.

Но волей войны он был эвакуирован из Ленинграда, вокруг которого замыкалось кольцо блокады, и после долгих мытарств, пройдя буквально по лезвию бритвы между жизнью и смертью, оказался в далеком тыловом городе Ташлинске, а по достижению 16 лет был зачислен в пехотное училище курсантом, чтобы через несколько месяцев ускоренной подготовки отправиться на фронт. Однако в это время (1943 год) было уже понятно, что хребет нацистам сломан, война с Германией близится к победному концу, а вслед за ее окончанием Советский Союз, следуя союзническим договоренностям, должен будет вступить в войну с Японией, чтобы перемолоть миллионную Квантунскую армию, оккупирующую Китай, и с перспективой оккупации острова Хоккайдо, чтобы помочь США

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

в затяжной войне на Тихом океане. Для столь масштабной войсковой операции необходимы были военные переводчики с китайского и японского языков.

В июне 1943 года Аркадия направляют в Москву в Военный институт иностранных языков Красной армии, где он и его товарищи попадают в руки преподавателей, составляющих цвет тогдашней советской японистики и востоковедения, людей, широко и глубоко образованных, эрудированных, которые видели свою миссию в том, чтобы готовить из курсантов не просто переводчиков, штабных офицеров со знанием языка, а людей со всесторонней культурной подготовкой, знающих историю мировой литературы, историю японской литературы, а также многое другое, хотя Аркадию Стругацкому по молодости лет подобное казалось совершенно излишним. Достаточно сказать, что одним из преподавателей в институте являлся будущий академик Н.И. Конрад.

Позже Аркадий Натанович будет с сожалением вспоминать, что не воспользовался в полной мере теми возможностями, которые ему открывались со столь блестящими учителями. В одном из писем брату Борису Аркадий называл японский язык «страшной гарпией», но учился он на самом деле легко, поскольку обладал способностью к языкам, и к тому же имея недюжий талант к рисованию, что облегчало изучение иероглифов, которые, как известно, надо не писать, а рисовать. Уже тогда Аркадий начал заниматься художественными переводами, в частности, рассказов Акутагавы, и эти

его первые опыты преподавательница И.Л.Иоффе ставила в пример — переводить художественную литературу следовало не дословно, а по смыслу.

В 1946 году курсанта Аркадия командируют в Казань для участия в подготовке Токийского процесса над японскими военными преступниками. Об этом периоде жизни нашего героя известно не так много, поскольку Аркадий Натанович не любил об этом вспоминать — слишком тяжело ему далось погружение в мрачную атмосферу допросов преступников, по жестокости и кровавости не уступающих немецким нацистам, достаточно вспомнить о чудовищных экспериментах на людях, проводимых так называемыми «учеными» в печально знаменитом Отряде 731.

Связана с Казанью и еще одна грань жизни Аркадия Натановича, которая и сделает его впоследствии тем, кем он стал, — именно здесь он напишет свой первый законченный фантастический рассказ «Как погиб Канг» [1].

По окончании института и получению диплома переводчика-япониста в 1949 году Аркадия распределяют в сибирский город Канск в школу военных переводчиков восточных языков. В отличие от московского Военного института это был секретный объект, на базе которого готовились разведчики-нелегалы для работы в странах Дальнего Востока. А затем старшего лейтенанта Стругацкого переводят на Камчатку на должность военного переводчика с японского языка. Остров Сахалин, как и Курильские острова долгое время находились под властью Страны восходящего солнца, а по результатам

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

ее поражения отошли к СССР, однако память об этих территориях как японских была еще жива в том числе у японских рыбаков, продолжавших ловлю теперь уже в советских водах. Поэтому одной из задач военного переводчика Аркадия Стругацкого являлось обеспечение перевода во время допросов японских рыбаков, задержанных пограничниками. Кроме того, в его обязанности входил перевод секретных документов с японского и английского, а также изучение публикаций в открытой печати — японской и американской — для выявления сведений, потенциально имеющих интерес для разведки.

Все остальное время службы, которое оставалось свободным от прямых обязанностей, Аркадий Натанович посвящал литературе и совершенствованию в английском и японском языках. Он не собирался связывать свою дальнейшую судьбу с армией. Он хотел быть писателем и только писателем, ибо ничего не светило в армии сотруднику военной разведки на Дальнем Востоке, переводчику 172-го отдельного радиопеленгаторного центра особого назначения Аркадию Натановичу Стругацкому.

В 1955 году Аркадий Стругацкий демобилизовался и, начиная с этого момента, японский язык перестал быть тем единственным профессиональным навыком, который обеспечивал ему, что называется «хлеб с маслом», и перешел в разряд «факультативного», ибо отныне главной и единственной судьбой Аркадия Натановича становилась литература.

2. Переводы

В Москве Аркадий Стругацкий устраивается на работу в Институт научной информации и вскоре становится членом редакции «Реферативного журнала», издаваемого ИНИ. Реферативные журналы ввиду понятного отсутствия в то время Интернета и трудности доступа к любой научной информации — статьям, книгам, монографиям, особенно опубликованным за рубежом и на иностранных языках, в какой-то степени компенсировали эти трудности, публикуя краткие статьи (рефераты), в которых сжато излагались основные положения наиболее интересных для советских ученых источников. Отслеживанием таких зарубежных публикаций, их переводом и подготовкой рефератов и занимался ИНИ.

Параллельно этой работе Аркадий Стругацкий начинает литературную деятельность. Как гласит одна из заповедей писателя, писать надо либо о том, что знаешь лучше всех, либо о том, что не знает никто. А потому в первой настоящей книжной публикации не обошлось, да и не могло обойтись без японской темы, поскольку написанная Аркадием Стругацким (в соавторстве со Львом Петровым¹) повесть «Пепел Бикини» [2] была посвящена трагической судьбе японских рыбаков, чье судно оказалось в зоне радиоактивного поражения от взрыва водородной бомбы на атолле Бикини, осуществленном американцами в испытательных целях.

¹ Точнее сказать, повесть полностью написана Аркадием Стругацким, а Лев Петров осуществлял её продвижение к публикации.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

С этой, пока еще не фантастической, но «японской» повести берет отсчет профессиональная литературная биография нашего героя, а вскоре они вместе с братом Борисом составят литературный тандем, которому предстоит, по сути, провозвести революцию в советской фантастике, да и вообще в мировом фантастическом жанре.

Однако Аркадия Стругацкого не будет отпускать и японская литература, интерес и любовь к которой он пронесет сквозь годы. Фантастика и японистика будут двигаться в его судьбе рука об руку, параллельно, но как известно из неевклидовой геометрии, параллельные прямые все же пересекаются.

При этом следует отметить, что с развитием и расцветом литературного мастерства братьев Стругацких растет и литературное качество переводов Аркадия Натановича с японского. И чем больше эволюционирует писатель А и Б Стругацкие, тем выше художественные достоинства переводов с японского Аркадия Стругацкого. Такой вот своеобразный «творческий резонанс».

В конце 50-х годов совместно с Борисом Аркадий пишет и публикует первые фантастические рассказы и повести, и в это же время он переводит повести Юрико Миямото «Блаженный Мияда», Есиэ Хотта «Шестерни», Сосэки Нацумэ «Ваш покорный слуга кот» (совместно с Л.Коршиковым) и роман Хироси Нома «Зона пустоты».

О том, насколько переводы с японского являются серьезной и важной частью творческой жизни Аркадия Стругацкого, свидетельствует такой факт. Еще на заре совместного литературного творчества

Аркадий и Борис договорятся о том, что все свои сольные вещи они будут публиковать под псевдонимами, в том числе и переводы. Именно поэтому часть переводов с японского выходит в печать под псевдонимом С.Бережков, однако существенная их доля, несмотря на договоренность, публикуется как переводы А.Стругацкого, особенно это касается серьезной литературы, в частности переводов Акутагавы, которого Аркадий очень почитал.

Здесь следует отметить, что в силу специфики требований издательств, которые заказывали переводы японской литературы, приходилось порой укладываться в весьма жесткие сроки, поэтому на этапе литературной «поденщины» Аркадий Стругацкий предпочитал работать с подстрочниками, а не с оригинальным текстом, что, к тому же избавляло от самого нелюбимого им технического этапа. Позднее, когда Аркадий Стругацкий уже имел возможность самому выбирать то, что ему интересно переводить с японского, например, Акутагаву или «Сказание о Ёсицунэ», он, конечно, не пользовался никакими подстрочниками, работая напрямую с оригинальными текстами.

При этом Аркадий Натанович любил делать переводы в больших «амбарных» книгах с плотными желтоватыми страницами, на которых удобнее всего было писать чернильной ручкой (в переводах он никогда не пользовался шариковой ручкой, все-таки рисовать иероглифы сподручнее именно чернилами).

Аркадий Натанович был «мастером конструирования истинно японских фраз на русском» [3, с.194]. Как про него говорил его товарищ и тоже переводчик Виктор Санович, у Аркадия фраза

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

падала сразу как кошка — на все четыре лапы, безошибочно, мягко, точно.

А вот еще одно мнение известной переводчицы с хинди Миры Салганик:

«Его переводы были на столь же высоком литературном уровне, как и их с братом фантастика. Я не знаю японского, но я очень много читала переводов и могу судить, что это высочайший класс. Переводить с восточных языков намного труднее, очень мало точек соприкосновения. Например, жесты — они же совсем другие. Как их описывать? Но то, что Аркадий делал с этими реалиями, было просто блистательно». [Цит. по Э, с.194]

Конечно, не чурается Аркадий и японской фантастики — будучи призван на военные сборы в 1961 году, он переводит на уроках языка НФ-повесть Масао Сэгава «61 Лебедя», которая нравится ему своими приключениями и гуманистическим зарядом. На повесть у него нет договора с издательством, перевод делается ради удовольствия, и, к сожалению, так и не будет доведен до публикации, хотя, судя по дневниковым записям, перевод сделан полностью. Однако повесть окажет влияние на Аркадия в творческом плане, поскольку ему тоже захочется написать нечто похожее — откровенно приключенческое и оптимистическое.

В ноябре того же года выходит «В стране водяных» Акутагавы [4] — перевод, над которым Аркадий Стругацкий работал с 1958 года, опять же делая его безо всякого предварительного договора с издательством только потому, что повесть

(фантастическая!) зацепила его. Отрывки из неё он читает в марте 1961 года на вечере, посвященном творчеству Акутагавы, проходившем в Доме дружбы с народами зарубежных стран, председателем которого был сам академик Н.И.Конрад. Вообще, этот перевод многие японисты считают лучшим у Аркадия Стругацкого. Повесть не только принимается к публикации, но и выходит с иллюстрациями знаменитого графика Дмитрия Бисти.

С переводами Акутагавы Аркадия Стругацкого связывает издание в «Художественной литературе» в знаменитой «Библиотеке всемирной литературы» большой подборки (на 700 страниц) этого замечательного автора, для которой Аркадий Натанович напишет большое предисловие-эссе «Три открытия Рюноске Акутагавы» [5]. В нём он ярко продемонстрирует свой талант не только переводчика и писателя, но и биографа, литературоведа, глубокого понимающего движения души, которыми жил и творил великий японский писатель.

И сейчас, перечитывая пронзительные строки Аркадия Натановича о последних трагических годах Акутагавы, поневоле ощущаешь в них отголосок семидесятых годов прошлого века, когда сами Стругацкие оказались в весьма трудном положении — новые повести если и публиковались, то с огромным трудом, литературные доходы снизились до той степени, когда приходилось хвататься за любую переводческую поденщину, но дело тут, конечно, не только в деньгах, а в общем кризисе авторского мировоззрения, ибо Аркадию и Борису стало очевидно, что мир Полдня, как образец коммунистического будущего, более недостижим.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

Но вернёмся к переводам.

В период работы в издательстве «Художественная литература» Аркадий Натанович знакомится, тесно общается (и, конечно же, учится) с мэтрами переводов с японского: Верой Николаевной Марковой, благодаря которой достоянием русской культуры стали хокку и танка, Романом Николаевичем Кимом, человеком удивительной судьбы, достойной приключенческого романа, но в ту пору занимавшегося переводами Акутагавы, Владимиром Михайловичем Константиновым, учеником Н.И.Конрада [3, с.195].

В 1964 году братьев Стругацких принимают в Союз писателей СССР, а это многое значило в советские времена. Например то, что вы совершенно официально можете больше нигде не работать, не опасаясь попасть под административную статью о тунеядстве (а таковая имела в Советском Союзе, где каждый гражданин был обязан работать, имея о том официальную запись в трудовой книжке, и именно по статье о тунеядстве обвинялся Иосиф Бродский, который членом СП СССР не был). А кроме того, члены Союза писателей могли регулярно выезжать в дома творчества, принадлежащие СП СССР и расположенные в различных живописных и курортных местах Советского Союза от Прибалтики до побережья Черного моря, где писатели и поэты совмещали отдых с творчеством.

Но главное — творческая свобода, конечно же. В тот же год Аркадий Стругацкий уходит с места редактора «Детгиза», издательства, выпускавшего кроме детской литературы еще и фантастику, которая проходила по классу литературы для школьников старшего возраста, в том числе и знаменитую

«рамку» — «Библиотеку приключений и научной фантастики». Оказавшись на вольных хлебах профессионального писателя, Аркадий переводит на досуге роман Кобо Абэ «Четвертый ледниковый период» [6], вполне себе фантастический, конечно же, который будет опубликован в одном из томов «Библиотеки современной фантастики» — уникальном для СССР издании, поскольку право на многотомные собрания сочинений имели преимущественно проверенные временем классики советской и зарубежной литературы.

Кстати, можно отметить, что в августе 1966 года Кобо Абэ посетил Советский Союз, побывал в Москве, где встретился с представителями редакции «Иностранная литература», в которой выходили его книги, и с переводчиками своих произведений, в том числе, конечно же, и Аркадием Стругацким. Подробностей той встречи знаменитых в своих странах писателей не сохранилось, и только в своём дневнике Аркадий Натанович отметил: «Встречал тут Абэ. Странная была встреча». С одной стороны лаконично, но в то же время ёмко, учитывая стилистику романов Кобо Абэ, их фантазмагоричность, кафкианство.

Уже став мэтром отечественной фантастики, чьи книги издавались сотысячными тиражами, в том числе и на иностранных языках, Аркадий Стругацкий продолжал регулярно заниматься переводами с японского, быть может, не денег ради (хотя и ради них тоже), но для того, чтобы поддерживать и развивать в себе знание языка, который тонкой нитью связывал его с далёкой Японией. Возможно, тут сказывалось и то, что в шестидесятых — семидесятых годах Япония экономически

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

бурно развивалась, являлась зримым воплощением высокотехнологического завтра, и не случайно в фильме «Солярис» в качестве города будущего, по которому едет герой, Тарковский специально снял Токио!

Стоит упомянуть, что в период 70-х, когда братьев Стругацких стали издавать кратко меньше, во многом по идеологическим причинам, именно переводческая деятельность позволяла Аркадию Натановичу оставаться, что называется, на плаву. Он активно занимается техническими переводами с японского, в частности рефератов и документации в области электроники, и даже задумывается о создании японско-русского технического словаря [3, с. 387].

Во время работы над переводом «Пионового фонаря» Санъютея Энтё Аркадий Стругацкий делает в дневнике примечательную запись о том, что поскольку принципов перевода с дальневосточных языков еще не создано, то ему приходится быть своего рода пионером в этой области. Здесь он придерживается той линии, что воспринимать перевод с японского читатель должен так, будто книга была написана по-русски, но ощущать себя при этом японцем, то есть полностью погружаться в атмосферу того времени, когда японские писатели понятия не имели о европейской литературы с ее формами и канонами, а среднестатистический советский читатель ни имел такого же понятия о буддизме, синтоизме и прочих реалиях тех времен, о которых рассказывается в книге. [3, с. 283]

Издание в «Художественной литературе» перевода Стругацкого «Сказание о Ёсицунэ» [7] сопровождается сражением Аркадия Натановича

с издательством за публикацию вместе с текстом средневекового рыцарского романа еще и специально написанной им «Инструкции к чтению», которая живописала читателям что из себя представляла Япония двенадцатого века. Однако редакция издательства сочла предисловия чересчур «фантастическим», а потому роман вышел без введения в военно-политическую и культурную ситуацию средневековой Японии, на фоне которой и разворачивались перипетии судьбы главного героя моногатари.

Характеризуя степень сложности работы над переводом, можно привести слова Аркадия Стругацкого, сказанные им на встрече с читателями и переводчиками: «При переводе японской средневековой прозы, да и более поздних произведений, я должен сначала познакомиться с элементами японской истории соответствующего периода, с семиотикой японского костюма, убранства японского жилья, с вооружением японского воина — простого солдата и знатного самурая. Я должен знать, что могут говорить простолюдин и тот, кто распоряжается его жизнью. В отличие от, скажем, переводчиков с английского, переводчик-японист должен сам «создать», подобрать нужную стилистику произведения. Оригинал может только показать степень сложности текста и, в лучшем случае, какими предложениями переводить, короткими или длинными» [8].

Возможно, решение издательства было в чем-то оправданным, но автор этих строк, читавший в школьном возрасте «Сказание» именно как перевод Аркадия Стругацкого, то есть половины его любимейшего писателя Аркадия и Бориса

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

Стругацких, был несколько разочарован прочитанным именно потому, что не имел под рукой вышеупомянутой «Инструкции» и не мог в полной мере проникнуться драматизмом происходящего. Помните принцип перевода с японского, сформулированный Аркадием Натановичем? Читатель должен ощущать себя японцем, и в этом ему и должна была помочь «Инструкция».

3. Фантастика

Японские мотивы так или иначе, в большей или меньшей степени пронизывают всё совместное творчество Аркадия и Бориса Стругацких. Пожалуй, произведения братьев Стругацких, где бы не имелись упоминания Японии, либо чего-то японского, можно перечесать по пальцам одной руки.

В ранних повестях и рассказах Стругацких встречается множество эпизодических героев-японцев, в частности, в «Стране багровых туч» одним из героических исследователей Венеры является капитан Нисидзима, который «ослепшим калекой возвращается в Нагоя» [9, с. 21]. В рассказе «Частные предположения» член экипажа звездолёта «Муромец» Сабуро Микими оказывается единственным, кто при пятикратных перегрузках остаётся на ногах [10]. В одной из новелл повести «Полдень, XXII век» великий океанолог японца Окада подвергается эксперименту по полной перезаписи своей личности в компьютер [11].

В «Стажерах» Иван Жилин рассказывает «Балладу об одноногом пришельце», в которой в пещере Титигаттакэ японские археологи обнаруживают древний след ботинка 45-го размера,

при этом он ссылается на данные японского профессора Усодзуки (по-японски «врун»), который якобы пещеру обследовал и даже сделал фотографию следа [12].

В той же повести, кстати, Михаил Крутиков читает, а вернее — перечитывает в пятый раз «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, что, конечно же, является признанием в любви к величайшему произведению средневековой японской литературы, чьи вечные ценности будут интересны и людям далёкого коммунистического будущего. Здесь опять же сказывается великолепное образование Аркадия Стругацкого, который вводит в круг будущего чтения советских читателей произведение, стоящее вровень с такими шедеврами мировой литературы, как «Одиссея», «Дон Кихот» и другими, но ещё не изданное на тот момент на русском языке (!), так как перевод будет сделан только в 1980-х годах.

Не забудем упомянуть появление на страницах «Стажеров» чудовищных «сора-тобу хиру» — марсианских гигантских пиявок, представляющих смертельную угрозу для марсианских колонистов.

Конечно, такое количество японцев на страницах произведений братьев Стругацких объясняется профессиональным занятием Аркадия Натановича, но нам кажется допустимым согласиться с предположением, что традиционная японская мораль и трудовая этика японцев (скромность, трудолюбие, умеренность, важность эстетичности мира) становятся своего рода дополнением к морали людей коммунистического мира [9].

Как ни странно, но наиболее антуражно «японизированным» произведением Стругацких

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

можно назвать повесть «Трудно быть Богом» [13], хотя, казалось бы, где земная Япония, а где далёкая планета с королевством Арканар? Однако при внимательном чтении можно заметить, что средневековый мир Арканара построен по кальке средневековой же Японии, включая наличие у рыцарей / самураев двух мечей, а имена арканарцев составлены по правилам японского имяназывания, если можно так выразиться, — Ру-ма-та, Рэ-ба, О-ка-на и так далее. При этом некоторые имена прямо отсылают к японским корням. Полный титул барона Пампы звучит как дон Бау но Суруга но Гатта но Арканар, где Суруга — это название одной из провинций средневековой Японии, отличавшейся особой воинственностью (но ведь и барон любит при случае и без оного помахать мечом, даже в таверне!). А интригана дона Рэбу благородный Румата ставит в один ряд с Токугавой Иэясу, японским политиком XVI–XVII вв., объединившим раздробленную Японию и основавшим династию сёгунов. Имя Араты Горбатого — от японского слова «арата» — новый, свежий, брата Аба — от «поплавок». И даже имя дона Рэба вполне созвучно его роли в романе, поскольку по-японски означает «пролетарий, рабочий класс». И хотя художники, иллюстрирующие эту повесть, а также две её экранизации вдохновлялись, скорее всего, картинами средневековой Европы, но изначально мир Арканара конструировался на основе самурайской эстетики [9].

Вторым, а быть может и первым по объёму японских мотивов, следует назвать «Хромую судьбу» [14], роман, где одним из главных действующих лиц является переводчик с японского языка,

а если говорить без обиняков, то в значительной степени — альтер эго Аркадия Натановича, чьи факты биографии во многом составили биографию Феликса Сорокина, бывшего военного переводчика, в пространстве и времени романа подвизающегося на почве патриотических произведений о Советской армии. Именно в «Хромой судьбе» мы узнаём такие любопытные факты биографии Аркадия Натановича в бытность военным переводчиком, как уничтожение богатейшей японо-китайской библиотеки какого-то маньчжурского вельможи, откуда, спасая от огня, переводчики таскали для своих библиотек японские книги, и из которой Феликсу Сорокину (читай — Аркадию Стругацкому) достались «История сыска в эпоху Мэйдзи» и томик произведений Эдогавы Рампо.

«Сказка о Тройке» [15]. В ходе перипетий, случающихся с главным героем Сашей Приваловым в граде Китеже, где заседает знаменитая ТПРУ-НЯ (Тройка по Рационализации и Утилизации Необъяснённых Явлений), он знакомится с разумным спрутом Спиридоном, которому по его просьбе зачитывает довольно обширные выдержки из японских хроник, рассказывающих о контактах средневековых японцев с *тако*, то есть спрутами. Любопытно отметить, что выдержки эти изначально предназначались для другой повести братьев Стругацких — «День кракена», в которой переводчик с японского (!) участвует в контакте с разумным спрутом, привезённым в Москву для изучения. Однако повесть по ряду причин так и не была завершена, а материалы из неё использованы авторами в других произведениях, в том числе в «Сказке о Тройке».

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

В раннем рассказе братьев Стругацких «Человек из Пасифиды» [16] дело происходит в послевоенной Японии, а среди действующих лиц — японские офицеры Сил самообороны и американские военные, причём отношения между японцами и американцами подаются далеко не как союзнические, а скорее уж как между оккупантами и оккупированными, что, судя по всему, было достаточно точно подмечено.

Очень интересной и сложной является тема влияния японской поэзии, как классической, так и более современной на произведения братьев Стругацких.

Эпиграфом к одной из самых знаменитых и в то же время интеллектуально нагруженных повестей братьев Стругацких «Улитка на склоне» [17] послужила хайку Кобаяси Исса:

*Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!*

Аналогично эпиграфом к «Хромой судьбе» выбрано японское трехстишие Кониси Райдзана, которое отражает суть романа — приход к человеку старости:

*Как пляшет огонёк!
Сквозь запертые ставни
Осень рвётся в дом.*

Интересно отметить, что хайку Кобаяси Исса — это не перевод Аркадия Стругацкого, хотя, наверное, он вполне мог бы его сделать, но воспользовался переводом известного переводчика с японского Веры Марковой, при том, что он — приблизительный, вольный, поскольку более точ-

ное переложение хайку на русский язык в переводе А. Долина звучит следующим образом:

*Эй! Ползи, ползи!
Веселей ползи, улитка,
На вершину Фудзи!*

Для тех, кто знаком с повестью «Улитка на склоне», очевидно, что подобный вариант, хотя и более точный, не соответствует духу этого произведения братьев Стругацких. Возможно поэтому и был выбран хотя и менее точный текстуально, но более точный художественно перевод Веры Марковой [18].

А что уж говорить о повести «За миллиард лет до конца света» [19], где квинтэссенцию выбора, который предстоит сделать героям, выражает стихотворение Ёсано Акико «Трусость» в переводе всё той же Веры Марковой:

*Сказали мне, что эта дорога меня
приведёт к океану смерти,
И я с полпути повернула вспять.
С тех пор всё тянутся предо мною
кривые, глухие окольные тропы... [20]*

Думаю, что для всякого, кто читал повесть Стругацких, данные строки стали символом трудности и трагичности выбора между риском, подчас смертельным, творческой свободы и спокойствием, и пустотой обыденной жизни.

Что ещё?

Перец, один из героев «Улитка на склоне», жаждущий попасть в лес, но навсегда застрявший в бюрократических лабиринтах Управления, по профессии является специалистом по литературе эпохи Хань, то есть востоковедом.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

В «Жуке в муравейнике» [21] детонатор и ответственная татуировка на сгибе локтя Льва Абалкина, одного из тринадцати «подкидышей», созданных таинственной сверхцивилизацией с непонятной для землян целью, напоминают очертаниями иероглиф «сандзю». Кстати, в этой связи любопытно отметить, что в сташеститомном (!) романе Кокуюея Бакина «Легенда о Восьми псах», в котором рассказывается о приключениях самураев, произошедших от пса-демона, герои, от рождения разбросанные по разным уголкам Японии, узнают друг друга по родимому пятну в форме пиона. Возможно, Аркадий Натанович и не знал о существовании этого произведения, но пересечения, в том числе и сюжетные (подкидыши = демоны, от рождения разлучены друг с другом) кажутся любопытными. [22].

В рассказе «Благоустроенная планета» повести «Полдень, XXII век» [23] один из героев — японец Рю Васэда (кстати, в первом издании этого рассказа это всё-таки китаец). Одним из действующих лиц «Града обреченного» [24] также является этнический японец.

И да, знаменитая процедура фукамизации, которую проходят все люди мира Полдня в младенческом возрасте, и которая расширяет возможности человеческого организма сопротивляться враждебной внешней среде, впервые теоретически обоснованная учёными Хосико и Натальей Фуками [25], скорее всего получила свое название по имени переводчика произведений братьев Стругацких на японский язык — Фуками.

В нашем кратком обзоре мы рассмотрели далеко не все аспекты переводческой деятельности Аркадия Стругацкого и те японские мотивы и аллюзии, которыми богаты их произведения. Тема ждёт своих исследователей, как и все творчество братьев Стругацких, которое не теряет своей актуальности до сих пор, ведь не случайно продолжают переиздаваться их книги, по ним снимают фильмы, выходит полное собрание сочинений, которое в полной мере можно назвать академическим [26], публикуются биографии и исследования произведений братьев Стругацких [3, 27, 28, 29, 30], сиквелы их произведений и произведения, чьи герои переживают приключения в мирах, придуманных авторами [31]. Готовится к изданию интересное исследование мира Полдня, как варианта утопии, придуманной Стругацкими, в которой нам, тем кто жил во времена СССР, хотелось бы жить [32]. Будем надеяться, что многочисленные и многообразные темы и связи Стругацких и Японии откроют новые грани миров, созданных этими авторами.

Произведения, переведённые на русский язык Аркадием Стругацким:

1. Кумуока И. Солидарность: стихи; Морита К. Горняки: стихи. — Журнал «Молодая гвардия». 1957, № 4.
2. Ватанабэ Д. Ненависть: стихи. — Журнал «Литературная Грузия», 1957, № 5.
3. Миямото Юрико. Блаженный Мияда: повесть. — В книге: Миямото Ю. Повести. — М.: Гослитиздат, 1958.
4. Ёсиэ Хотта. Шестерни: повесть. — Ташкент, Гослитиздат, 1958.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

5. Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот, повесть. – Совм. с Л. Коршиковым (А. Стругацкий переводил главы 7 – 11). – М.: Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), 1960.
6. Нома Хироси. Зона пустоты: роман, пер. совм. с А. Рябкиным. – М.: ГИХЛ, 1960.
7. Уэда Акинари. Луна в тумане: новеллы, пер. совм. с З. Рахимом. – М.: ГИХЛ, 1961.
8. Акутагава Рюноске. В стране водяных: повесть. – М.: ГИХЛ, 1962.
9. Абэ Кобо. Тоталоскоп: рассказ. – В книге: «НФ», альманах научной фантастики, выпуск 1. – М.: Знание, 1964.
10. Сантьягэи Энтё. Пионовый фонарь: повесть. – М.: ГИХЛ, 1964.
11. Абэ Кобо. Четвёртый ледниковый период: повесть. – В книге: Библиотека современной фантастики, том 2. М.: Молодая гвардия, 1965.
12. Абэ Кобо. Совсем как человек: повесть. – Журнал «Звезда Востока», 1968, № 11.
13. Акутагава Рюноске. Нос. Бататова каша: новеллы. – В книге: Акутагава Р. Избранное. Том 1. М.: Художественная литература, 1971.
14. Миёси Тору. Девушка для танцев: рассказ. – Журнал, «Азия и Африка сегодня», 1973, № 11.
15. Сайкаку Ихара. И барабан цел, и ответчик не в ответе. В женских покоях плотничать женщине. Подсчитали, прослезилась бы, да некому: новеллы. – В книге: «Классическая проза Дальнего Востока». – М., Художественная литература 1975.
16. Акутагава Рюноске. В стране водяных: повесть / пер. с япон. А. Стругацкого
17. Акутагава Рюноске. Нос: новелла / пер.

с япон. А. Стругацкого

18. Сказание о Ёсицунэ: роман. – М.: Художественная литература, 1984.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений, том 11. Донецк: Сталкер, Спб.: Terra Fantastica, 2001. С.7-13
- 2) Петров Л., Стругацкий А. Пепел Бикини. М.: Государственное издательство детской литературы, 1958. 152 с.
- 3) Скаландис А. Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008. 702 с.
- 4) Акутагава Р. В стране водяных. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. 80 с.
- 5) Акутагава Р. Новеллы. М.: Художественная литература, Библиотека всемирной литературы, 1974. С. 5-24
- 6) Библиотека современной фантастики. Том 2. Абэ Кобо. М.: Молодая гвардия, 1965. 240 с.
- 7) Сказание о Ёсицунэ. М.: Художественная литература, 1984. 288 с.
- 8) Лопатюк И. Японские мотивы в жизни Аркадия Стругацкого. URL: <https://odhislit.com/bukinistika/yaponskie-motivy-v-zhizni-arkadiya-strugaczskogo/>
- 9) Гришачев С.В. Японизмы в раннем творчестве А. и Б. Стругацких: некоторые аспекты

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

- межкультурной коммуникации / С.В. Гришачев // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 332-336.
- 10) Стругацкий Арк., Стругацкий Бор. Шесть спичек. М.: Детская литература, 1960. С.162-184
- 11) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том второй. Донецк: Сталкер, Спб: Terra Fantastica, 2001. С. 203-223
- 12) Стругацкий А., Стругацкий Б. Стажеры. М.: Молодая гвардия, 1962. 256 с.
- 13) Стругацкий А., Стругацкий Б. Далекая Радуга. М.: Молодая гвардия, 1964. С. 137-327
- 14) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том восьмой. Донецк: Сталкер, Спб.: Terra Fantastica. 2001. С.191-530
- 15) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том пятый. Донецк: Сталкер, Спб.: Terra Fantastica. 2001. 672 с.
- 16) Фантастика 1972, с. 245-263
- 17) Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер. Л.: Советский писатель, 1989. С.5-192
- 18) Почему А. Стругацкий не перевёл «Улитку» Кобаяси Исса? URL: <https://fantlab.ru/blogarticle76228>
- 19) Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света. М.: Советский писатель, 1984. С.3-114
- 20) Особенности перевода данного стихотворения и на какие ухищрения пришлось пойти переводчику, чтобы донести и его смысл, и ритм подробно разобраны здесь: <https://morreth.livejournal.com/1091570.html>
- 21) Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. Кишинев: Лумина, 1983. С.246-389
- 22) <https://strugatsky.livejournal.com/138797.html>
- 23) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том второй. Донецк: Сталкер, Спб: Terra Fantastica, 2001. С. 246-270
- 24) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том седьмой. Донецк: Сталкер, Спб: Terra Fantastica, 2001. С. 133-518
- 25) Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. Том восьмой. Донецк: Сталкер, Спб: Terra Fantastica, 2001. С. 531-690
- 26) Стругацкий А., Стругацкий Б. Полное собрание сочинений в 33 томах. Спб.: Сидорович А.В., 2017-2023
- 27) Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2007. 352 с.
- 28) Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда. Спб.: Terra Fantastica, 2003. 384 с.
- 29) Амусин М. Братья Стругацкие: Очерк творчества. Иерусалим: БЕСЭДЕР, 1996. 192 с.
- 30) Кузнецова А. Стругацкие и критика. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950-1990-е гг.

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

Липецк: Крот, 2009. 208 с.

- 31) Савеличев М. Театр братьев Стругацких. М.: Снежный Ком М, 2022. 410 с.
- 32) Бондаренко С., Игнатович В. Мир Полдня Стругацких как историческая неизбежность. (не издано)

REFERENCES

- 1) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 11. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 7-13
- 2) Petrov L., Strugatsky A. The Ash of the Bikini. M.: State publishing house of children's literature, 1958. 152 p.
- 3) Skalandis A. The Strugatsky brothers. M.: AST, 2008. 702 p.
- 4) Akutagawa R. In the country of the mermen. M.: State publishing house of fiction, 1962. 80 p.
- 5) Akutagawa R. Short Stories. M.: Fiction, Library of World Literature, 1974. P. 5-24
- 6) Library of Modern Science Fiction. Vol. 2. Abe Kobo. M.: Young Guard, 1965. 240 p.
- 7) The Tale of Yoshitsune. M.: Fiction, 1984. 288 p.
- 8) Lopatyuk I. Japanese motifs in the life of Arkady Strugatsky. URL: <https://odhislit.com/bukinistika/yaponskie-motivy-v-zhizni-arkadiya-strugaczskogo/>
- 9) Grishachev S.V. Japonisms in the early works of A. and B. Strugatsky: some aspects of intercultural communication / S.V. Grishachev // Language and culture in Russia: state and evolutionary processes: materials of the international scientific conference / ed. ed. ON THE. Il'yukhin, N.K. Danilova. - Samara: Publishing house "Samara University", 2007. - P. 332-336
- 10) Strugatsky Ark., Strugatsky Bor. Six Matches. M.: Children's literature, 1960. P. 162-184
- 11) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 2. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 203-223
- 12) Strugatsky A., Strugatsky B. Space Apprentice. M.: Young guard, 1962. 256 p.
- 13) Strugatsky A., Strugatsky B. Far Rainbow. M.: Young guard, 1964. P. 137-327.
- 14) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 8. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 191-530
- 15) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 5. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. 672 p.
- 16) Science Fiction 1972, p. 245-263
- 17) Strugatsky A., Strugatsky B. The Waves Extinguish the Wind. L: Soviet writer, 1989. P. 5-192
- 18) Why A. Strugatsky did not translate "The Snail" by Kobayashi Issa? URL: <https://fantlab.ru/blogarticle76228>
- 19) Strugatsky A., Strugatsky B. One Billion Years to the End of the World. M.: Soviet writer, 1984. P. 3-114
- 20) Features of the translation of this poem and what tricks the translator had to go to in order to convey both its meaning and rhythm are analyzed in detail here: <https://morreth.livejournal.com/1091570.html>
- 21) Strugatsky A., Strugatsky B. Beetle in the Anthill. Kishinev: Lumina, 1983. P.246-389

§1. Савеличев М.В. «Японские мотивы в творчестве братьев Стругацких». УДК 821.161.1+821.521

- 22) <https://strugatsky.livejournal.com/138797.html>
- 23) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 2. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 246-270
- 24) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 7. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 133-518
- 25) Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works, vol. 8. Donetsk: Stalker, SPb: Terra Fantastica, 2001. P. 531-690
- 26) Strugatsky A., Strugatsky B. Complete works in 33 volumes. SPb.: Sidorovich A.V., 2017-2023
- 27) Volodikhin D., Prashkevich G. Strugatsky brothers. M.: Young Guard, 2007. 352 p.
- 28) Vishnevsky B. Arkady and Boris Strugatsky: Double star. St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 384 p.
- 29) Amusin M. The Strugatsky brothers: Essay on creativity. Jerusalem: BESEDER, 1996. 192 p.
- 30) Kuznetsova A. Strugatsky and criticism. Reception of the work of the Strugatsky brothers in criticism and literary criticism: 1950-1990s. Lipetsk: Krot, 2009. 208 p.
- 31) Savelichev M. The theater of the Strugatsky brothers. M.: Snezhny Kom M, 2022. 410 p.
- 32) Bondarenko S., Ignatovich V. The World of the Noon by the Strugatsky brothers as a Historical Inevitability. (in the press)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Валерьевич Савеличев,

Кандидат экономических наук

ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук

Республики Татарстан», Казань.

e-mail: Mikhail.Savelichev@tatar.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-9130>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Savelichev

PhD in Economics

Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

e-mail: Mikhail.Savelichev@tatar.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3381-9130>